

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ

СПБ., Литейный, 43.

Открыта ежедн. (кроме праздниковъ) отъ 10 до 4 час.

№ 7.

15-го АВГУСТА 1893 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1/2 г. (Іюль—Декабрь) 3 р., съ дост. и перес. 4 р.

ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 15 коп.

СОДЕРЖАНИЕ:

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. В. И.

Взглядъ на итальянок. драмат. сцену. Эрнесто Росси.

Музыка въ Чикаго. Евгѣніи Л.

Въ назиданіе нашимъ актрисамъ и актерамъ. Ред.

Концертъ изъ произведеній Чайковского. Лароша.

Загородные театры: Аркадія. Озерки.

Замѣтки и Извѣстія.

Фельетонъ. „Театръ и жизнь“. Дилеттанта.

Портреты: М. С. Щепкина, г-жи Рейхенбергъ.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

11 августа исполнилась тридцатая годовщина смерти великаго артиста. Мы сочли долгомъ почтить этотъ день обновленіемъ въ памяти нашихъ читателей главныхъ моментовъ жизни и артистической дѣятельности Щепкина *).

I.

По мужской линіи М. С. Щепкинъ происходилъ изъ духовнаго званія. Прадѣдъ его былъ священникомъ въ селѣ Спасскомъ, что на рѣчкѣ Перекшѣ, въ москальскомъ уѣздѣ калужской губерніи. Но уже дѣдъ Щепкина попалъ въ крѣпостное состояніе. Отецъ его, Семенъ Григорьевичъ, и мать, Марья Тимофѣевна, были крѣпостными людьми графовъ Волькенштейновъ, имѣніе которыхъ находилось въ обоянскомъ уѣздѣ курской губерніи.

Первые двое дѣтей ихъ скончались еще въ младенчествѣ, не давъ имъ, какъ говорятъ, налюбоваться на себя. Вскорѣ однако, именно 6 ноября 1788 года, у нихъ родился еще сынъ, названный въ крещеніи Михаиломъ. Это и былъ будущій знаменитый комикъ—Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Сначала ребенокъ воспитывался подъ непосредственнымъ наблюденіемъ матери и отца, пользовавшихся большимъ довѣріемъ господъ и занимавшихъ по этому въ домѣ графа хорошее положеніе. Благодаря этому, ребенокъ былъ изъятъ изъ развращающей среды переднихъ и дѣвичьихъ, такъ какъ постоянно находился въ барскихъ покояхъ, гдѣ „имѣлъ полное право валяться на господскихъ диванахъ и пользоваться всѣми правами ребенка“. Онъ съ дѣтства привыкъ не только къ ласкѣ материнской, но и къ ласковому обхожденію господъ, которыхъ онъ считалъ „добрыми“, и которые баловали и ласкали его. Когда маленькому Щепкину пошелъ четвертый годъ, отецъ его изъ камердинеровъ былъ поставленъ въ управители имѣніемъ графовъ и долженъ былъ переселиться изъ обоянскаго въ суджинскій уѣздъ, въ хуторъ Проходы, гдѣ родители его прожили около 30 лѣтъ. Здѣсь, маленькій Щепкинъ въ исходѣ пятаго года, былъ отданъ учиться грамотѣ Никитѣ Михайловичу—ключнику у хлѣбнаго магазина. Обученіе велось стариннымъ способомъ, по церковнымъ книгамъ, при чемъ требовалось лишь бѣгло читать, не заботясь о пониманіи. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ, Щепкинъ скоро обогналъ своихъ товарищей, и едва ему исполнилось шесть лѣтъ, какъ онъ „уже всю премудрость выучалъ“, т. е. прошелъ азбуку, часословъ и псалтирь. По седьмому году былъ онъ отправленъ въ Бѣлгородъ, гдѣ пробылъ около четырехъ лѣтъ въ ученіи „у очень умнаго священника“ и сдѣлалъ тамъ большіе успѣхи, особенно въ законѣ Божьемъ и церковной исторіи. Послѣ этого онъ поступилъ въ училище въ Суджѣ, уѣздномъ городѣ курской губерніи, и наконецъ въ 1802 году перешелъ въ курское губернское четырехклассное училище. Всюду Щепкинъ выказывалъ блестящія способности и былъ лучшимъ ученикомъ. Въ 1805 году онъ кончилъ курсъ въ курскомъ училищѣ, когда

ему было 17 лѣтъ. и 5 августа уѣхалъ въ имѣніе графа къ отцу. Тамъ и кончилась моя наука“, замѣчаетъ самъ Щепкинъ въ своихъ Запискахъ.

Еще въ ребячествѣ Щепкинъ страстно полюбилъ театръ. „Семи лѣтъ онъ увидѣлъ на домашнемъ театрѣ у графа Волькенштейна оперу „Новое семейство“, и неожиданное зрѣлище такъ его поразило, что съ тѣхъ поръ въ воспримчивой головѣ мальчика безпрестанно ронялись декораціи, оркестръ, сцена и дѣйствующія лица“. Затѣмъ въ суджинскомъ училищѣ, удалось ему сыграть слугу Розмарина въ комедіи Сумарокова „Вздорщца“, что еще болѣе усилило его страсть. Въ послѣдствіи, когда Щепкину было уже лѣтъ четырнадцать, онъ сыгралъ на домашнемъ театрѣ своего господина нѣсколько ролей, а съ 1801 года, находясь въ губернскомъ училищѣ, всѣ свободные часы проводилъ въ театрѣ. Наконецъ въ исходѣ ноября 1805 года онъ совершенно случайно выступилъ въ первый разъ на публичной

М. С. ЩЕПКИНЪ

(съ картины Рѣпина).

сценѣ частнаго театра въ Курскѣ въ бенефисъ г-жи Лыковой. въ замѣтъ прошившагося окончательно актера. Дебютъ былъ очень удаченъ, и „съ этого времени Щепкину начали давать многія небольшія роли, и, разумѣется, самыя разнообразныя. Захворалъ-ли, загулялъ-ли кто нибудь изъ актеровъ—Щепкинъ въ нѣсколько часовъ выучивалъ его роль, и конечно игралъ всегда лучше того, чье занималъ мѣсто. Однимъ словомъ, имъ затыкали всѣ прорѣхи малочисленной труппы и скуднаго репертуара. Оркестръ прозвалъ его контрабасною подставкою“, и вся труппа со смѣхомъ повторяла остроумное прозвище. Публика скоро замѣтила Щепкина и начинала его любить, а черезъ пять лѣтъ онъ достигъ уже самого большаго жалованья, т. е. перешелъ на первыя роли. Нужно сказать, что на всѣхъ сценахъ того времени господствовала особая школа сценической игры, унаслѣдованная отъ эпохи, такъ называемой, ложно-классическаго репертуара. Неестественная, крикливая декламация, стремленіе къ по-

трясающимъ неразвитую душу грубымъ эффектамъ, злоупотребленіе вычурными жестами, сопровождавшимися „почти каждое слово“, крайняя условность игры—все это не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности и было особымъ, условнымъ искусствомъ. Впечатлительный и воспримчивый по натурѣ Щепкинъ быстро усвоилъ всѣ правила и приемы этой школы, и быть можетъ долго бы оставался на этой ложной дорогѣ, если бы случай не раскрылъ предъ нимъ всю фальшь и условность усвоенныхъ имъ правилъ. Лѣтомъ 1810 года ему случилось ознакомиться съ игрою курскаго вельможи, князя Прокофія Васильевича Мещерскаго, о необыкновенномъ талантѣ котораго Щепкинъ много разъ слыхалъ, но ни разу еще ни имѣлъ случая видѣть его на сценѣ. По словамъ кн. Шаховскаго, Мещерскій—первый въ Россіи заговорилъ на сценѣ простымъ языкомъ. На этотъ разъ князь игралъ роль Солидара въ комедіи Сумарокова „Проданое обманомъ“. Остальные участники были также любители. Всѣ они были настоящими актерами, „одинъ Мещерскій изображалъ личность скупца такъ, какъ будто на сценѣ былъ не Мещерскій, а самъ скупецъ, со своимъ отвратительнымъ скредствомъ, съ вѣчною мыслью о смерти, безпрестанною боязнью разстаться съ деньгами. Куда дѣвалась величественная осанка князя и его благородная наружность? Все это замѣнилось тѣми безобразными чертами, которыя присущи старому скрягѣ“. Игра князя произвела на Щепкина ошеломляющее дѣйствіе, и его нервное возбужденіе разрѣшилось потокомъ слезъ.

Возвратившись въ деревню къ роднымъ, онъ тотчасъ же принялся за работу надъ собой и, удаляясь въ рошу, старался разыгрывать комедію, подражая князю Мещерскому. Онъ понялъ, что кн. Мещерскій силенъ на сценѣ, благодаря простотѣ и естественности изображенія, „но, думая подражать князю, Щепкинъ приходилъ въ отчаяніе, видя, что въ его рѣчахъ нѣтъ и тѣни естественности, и только послѣ долгаго и упорнаго труда убѣдился, что достигнуть этого можно только тогда, когда будешь говорить своими звуками, чувствовать по своему, совершенно игнорируя рѣчи и движенія князя“. Поэтому уже съ осени 1810 года Щепкинъ сталъ стараться „приводить въ дѣйствіе новый взглядъ на сценическое искусство“ и, неустанно работая надъ собой, совершенно отрѣшился отъ прежней неестественной школы сценической игры, постоянно стараясь воспроизводить и воплощать на сценѣ дѣйствительность во всемъ ея многообразіи. И на этотъ новый путь, какъ сознается самъ Щепкинъ, навела его игра кн. Мещерскаго. „Все, пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ,—что я прибрѣлъ въ послѣдствіи, все, что изъ меня вышло—всѣмъ этимъ я обязанъ ему; потому что онъ первый посѣялъ во мнѣ вѣрное понятіе объ искусствѣ, и показалъ мнѣ, что искусство настолько высоко, насколько близко къ природѣ“.

Помимо князя Мещерскаго на Щепкина гораздо позднѣе оказалъ сильное вліяніе другой „замѣчательный актеръ Павловъ, выѣхавшій изъ Казани и странствовавшій тогда по разнымъ театрамъ. Этотъ актеръ, съ необыкновенною для того времени истинною и простотою, игралъ многія роли, особенно роли неизвѣстнаго въ комедіи Коцебу „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“. Актера Павлова мало понимали и мало цѣнили; но Щепкинъ, понявъ, опѣнилъ его и воспользовался добрымъ примѣромъ, не смотря на противоположное значеніе своего амплуа“.

Повидимому, немалое вліяніе оказалъ на него также извѣстный малороссійскій писатель, бывшій директоромъ харьковскаго театра, Квитка-Основьяненко. До сего времени Щепкинъ, перешедшій въ Харьковъ изъ Полтавы, „появлялся въ драмахъ трагедіяхъ, гдѣ игралъ роли принцевъ и графовъ Основьяненко однажды за кулисами поймалъ его, сказалъ ему: „Эхъ, братъ Щепкинъ! играй въ комедіяхъ: изъ твоихъ фижмъ и минеристеръ постоянно выглядываютъ молеровскіе Жюкрисы!“ Эт слова были многозначительны для будущности великаго комика, и быть можетъ, именно подъ вліяніемъ названнаго писателя, Щепкинъ перешелъ въ слѣдствіи на роли комическихъ стариковъ.

* Очеркъ этотъ составленъ на основаніи многихъ матеріаловъ, и все, взятое изъ нихъ, поставлено у насъ въ кавычкахъ.